

© 2012 г. А.Б. ЛЕТУЧИЙ

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье анализируются свойства сентенциальных (предикатных) актантов (например, *Я знаю, что Петя неправ*) в русском языке. Ключевым вопросом является то, насколько синтаксическое поведение актантов этого типа соответствует поведению канонического подлежащего, прямого дополнения и актанта конструкции с прилагательным в русском языке. В результате мы делаем следующий вывод: хотя ничто не мешает считать, что сентенциальные актанты заполняют валентности глагола, многие аспекты их поведения отличаются от канонических. Например, ограничено их употребление с отглагольными существительными, они особым образом ведут себя при пассивизации глагола. Существенно, что сентенциальные актанты с показателем *то*, *что* ведут себя иначе, чем зависимые с показателем *что* или с глаголом в инфинитиве.

Ключевые слова: актанты, валентность, сентенциальные актанты, именные актанты, отглагольные существительные, пассивизация, предикатив

In the article, I analyze the syntactic behaviour of sentential arguments in Russian. Three types of sentential arguments are considered: those with the infinitival form of the verb, with the marker *čto* and with the marker *to*, *čto*. The principal aim of my analysis is to find out to which extent the behaviour of sentential arguments corresponds to the canonical behaviour of subject, direct object and some other types of arguments in Russian. I conclude that the types of sentential arguments under analysis differ strongly from canonical (nominal) arguments. For instance, the use of sentential arguments with deverbal nouns is restricted, and the way of forming the passive construction differs from the standard one. Importantly, the arguments introduced by *to*, *čto* behave differently from the other two types under analysis.

Keywords: arguments, valency, sentential arguments, nominal arguments, deverbal nouns, passivization, adjectives with sentential arguments

В современной лингвистике принято различать именные и сентенциальные (предикатные) актанты (далее СА) предикатов. Естественно, прототипическим, «нормальным» заполнителем актантной позиции при большинстве глаголов является именная группа – в исследованиях, посвященных понятию актанта и типологии актантов, именные актанты рассматриваются обычно гораздо подробнее сентенциальных. Однако считается, что актантная позиция может быть заполнена и клаузой, предложением (см. среди прочих [Stowell 1982; Noonan 1985; Pesetsky 1992; Сердобольская 2005] и многие другие работы), ср. такие предложения, как, например, *Вася знает Петину тайну* и *Вася знает, что Петя тайком ездил в Германию*, очень близкие и семантически, и синтаксически. Так, именной и сентенциальный актант при одном и том же глаголе, как правило, реализуют (во всяком случае, могут реализовать) одну и ту же семантическую роль.

* Автор выражает благодарность РГНФ (коллективный грант № 10-04-00256а) и Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» 2012–2014 гг., с чьей поддержкой было выполнено это исследование в рамках коллективного проекта Русграм (<http://ruslang.ru>). Кроме того, мы благодарны всем участникам проекта Русграм и анонимному рецензенту за исключительно ценные замечания.

- (1) а. Он убедил меня в обратном.
б. Он убедил меня в том, что приезжать не нужно.

И дополнение в обратном в (1а), и сентенциальное дополнение в (1б) имеют семантическую роль Содержания.

Есть случаи, когда совпадения ролей нет или возможны разные трактовки:

- (2) а. Вася верит Пете;
б. Вася верит в своих друзей;
с. Вася верит, что друзья его не подведут.

Неочевидно, что СА в (2с) имеет ту же семантическую роль, что именные актанты в (2а) и (2б). Ниже мы пренебрегаем этими случаями и рассматриваем те, где роль именного и сентенциального актантов при одном и том же глаголе явно одна и та же.

Итак, в примере (1) глагол *убедить* имеет дополнение в обоих приведенных выше случаях – только в первом примере оно именовое (именная группа), а во втором сентенциальное (клауза). М. Нунэн [Noonan 1985] следующим образом определяет конструкцию с сентенциальным актантом: «...the syntactic situation that arises when a notional sentence or predication is an argument of a predicate»¹. Иными словами, сентенциальный актант – это предикация (инфинитивный оборот, придаточное предложение и т. д.), являющаяся актантом главного предиката.

В то же время не совсем очевидно, насколько полным является это соответствие именных и сентенциальных актантов. И если в предложении типа *Запах роз приятен* любой исследователь усмотрит подлежащее (*запах роз*), то конструкции вида *Находиться здесь приятно* или *Мне приятно, что ты пришел меня поздравить* зачастую рассматриваются как безличные. В этом случае считается, что инфинитив или обороты типа *находиться здесь* в них входят в состав вершинного предиката и вообще не являются его актантами. Более того, у формы *приятно* выделяется особое употребление – во многом на том основании, что она может употребляться безлично.

Некоторые исследователи идут в том же направлении дальше. И если, например, М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1984] классифицирует предложения вида *Было сказано, что Иванов не придет* как «предложения без номинативной группы» (что тривиальным образом верно), то Н. Герритсен [Gerritsen 1990] эксплицитно включает их в состав безличных.

Вполне понятно, что структура с сентенциальными актантами гораздо сложнее для классификации, чем с именными. Это вытекает из устройства актантной структуры глагола – во всяком случае, если речь идет о языках так называемого среднеевропейского стандарта. Естественно, самыми очевидными признаками подлежащего в русском языке являются глагольное согласование и (за исключением некоторых контекстов типа именных сказуемых) маркирование именительным падежом.

Как только речь заходит о подлежащем статусе групп, не маркированных именительным падежом, ответ на вопрос, есть ли в предложении подлежащее, становится менее однозначным (так, подлежащий статус дативных групп в предложениях типа *Мне стыдно* или аккумулятивных в конструкциях вида *Бориса стоило* – предмет долгих дискуссий). Точно так же прямое дополнение – это прежде всего группа, оформленная винительным падежом, остальные признаки не столь очевидны.

Мы постараемся продемонстрировать на материале русского языка, что интуиция, противопоставляющая именные и сентенциальные актанты, верна. Различия этих двух сущностей не исчерпываются типом составляющей, а касаются других, более тонких особенностей синтаксического поведения.

Еще в 1980-е гг. в лингвистике стало активно использоваться понятие «полипредикация». Согласно Н.В. Сердобольской [Сердобольская 2005: 11], если ранее сложные пред-

¹ «...ситуация, которая возникает, когда единица, соответствующая определению предложения или предикации, является (в свою очередь) аргументом предиката» [Перевод наш. – А. Л.].

ложения рассматривались отдельно от оборотов с нефинитными формами глагола, то с появлением нового материала стало очевидно, что типологически границу между этими двумя случаями не всегда легко определить. В новейших лингвистических парадигмах полипредикация определяется как «абстрактная структурная модель сложного предложения, в которое вложено одно или несколько предложений» [Тестелец 1999: 332]. Различаются сочинительные и подчинительные конструкции. Среди подчинительных конструкций, в зависимости от синтаксической позиции вложенной предикации, выделяются сентенциальные актанты, сентенциальные сирконстанты (обстоятельства) и сентенциальные определения. Данная классификация подробно рассматривается в работах Новосибирской типологической школы – см., например [Черемисина 1980; Убрятова, Литвин (ред.) 1986].

В свою очередь, каждому из типов полипредикативных конструкций посвящена специальная литература. Среди исследований конструкций с сентенциальными актантами назовем, помимо упоминавшейся выше работы [Noonan 1985], другие западные типологические работы [Givón 1980; Ransom 1986] и работы Ленинградской / Петербургской типологической школы [(Недялков 1979; 1981; ТКПА 1985; КПА 1983]. В частности, В.П. Недялков [Недялков 1981] и М. Нунэн [Noonan 1985] уделили большое внимание исследованию форм, которыми кодируется вложенное сказуемое сентенциального актанта.

Естественно, и для нашей работы было бы неосмотрительно анализировать все многообразие сентенциальных актантов как нечто единое. Во-первых, мы будем различать три типа актантов: с союзом *что* (*Я знаю, что Петя – турецкий шпион*), с единицей *то, что* (*То, что Петя оказался турецким шпионом, поразило меня*) и инфинитивной формой глагола (*Мне не нравится гулять в темноте по незнакомому городу*) (сентенциальные актанты с *то, что* и их соотношение с аналогами без *то* подробно описаны в работе [Князев 2009])². Во-вторых, отдельно будут рассматриваться актанты трех типов: соответствующие именному подлежащему, именному прямому дополнению и актанту в конструкции с предикативом. В то же время многие другие типы сентенциальных актантов, например: с союзами *как* (*Я видел, как он выходил*), *чтобы* (*Я хочу, чтобы ты спел*), *когда* (*Я не люблю, когда мне хамят*), с показателем *тот факт, что* (*Тот факт, что конференция не состоялась, многих удивил*), а также отглагольные существительные, примыкающие по семантике и некоторым синтаксическим свойствам к сентенциальным актантам. Отметим, что в литературе, посвященной полипредикации, считается, что все полипредикативные конструкции можно расположить на нескольких шкалах, представляющих положение сентенциального зависимого ближе или дальше от канонической предикации или предложения.

Однако предмет нашей работы несколько иной. Если упоминаемые исследования имеют целью, прежде всего, показать, в какой степени зависимое предложение является предложением, то мы сосредоточиваем внимание на сентенциальных актантах и пытаемся выяснить, в какой мере они являются каноническими актантами. Тем самым основное сопоставление ведется между сентенциальными актантами и именными группами – сопоставление СА с независимыми предложениями нашей целью не является.

1. АКТАНТ ИЛИ НЕТ?

Первый вопрос, на который надо ответить, – являются ли сентенциальные актанты в русском языке актантами в том же смысле, в котором ими являются именные группы, зависимые от глагола. Отметим, что для многих языков – и для русского в частности –

² Хотя статус конструкций с *то, что* как сентенциальных актантов сомнителен из-за наличия в позиции вершины склоняемого местоимения *то*, мы по традиции, сложившейся в типологических работах, посвященных русскому языку, а также английскому, где есть сходное противопоставление (*that* vs. *the fact that*), включаем их в класс СА и далее сопоставляем с прочими типами. В традиционной русистике, см., например, [Белашапова 1977] и [Валгина 2000], эти конструкции включают в число конструкций с придаточными, называя их «местоименно-соотносительными» из-за наличия в главном предложении слова *то*.

ответ на него крайне неоднозначен. В типологическом аспекте данная проблема рассматривалась в работах [Munro 1982; Сердобольская 2005], в применении к адыгейскому языку – в [Сердобольская, Мотлохов 2009; Сердобольская (в печати)], но специального исследования, посвященного русскому языку, насколько нам известно, не существует.

Например, Ю.Д. Апресян [Апресян 1969] предлагает в общем случае считать семантическими актантами глагола / предикатного слова тех участников ситуации, которые заполняют семантические валентности глагола и должны появляться в его толковании. Однако, как показано в [Плунгян, Рахилина 1998], однозначное разграничение здесь невозможно. Есть случаи, когда в толкование целесообразно вводить участников, которые по ряду критериев больше похожи на сирконстанты.

Другой подход состоит в том, чтобы по возможности проверять актантный статус участника с помощью конкретных синтаксических тестов. Я.Г. Тестелец [Тестелец 2001] предлагает использовать для этой цели критерий шлюзования («sluicing») – конструкций, где в результате опущения материала во второй части предложения остается только относительное местоимение, относительное наречие или предложная группа с их участием:

- (3) *Он уехал, но я не знаю куда;*
- (4) *Он что-то принес, но я не знаю, что.*

Считается, что актанты при шлюзовании требуют неопределенного местоимения в первой клаузе, как в (4). Для сирконстантов (3) оно не обязательно.

Поскольку основным для нас является вопрос о соответствии свойств СА каноническим характеристикам подлежащего, прямого дополнения и т. д., мы позволим себе не останавливаться подробно на противопоставлении актантов и сирконстантов в целом. Скажем только, что на сегодняшний день не обнаружено случаев, когда при одном глаголе сентенциальное и именное зависимое с одной семантической ролью вели себя по-разному хотя бы по одному критерию актантного статуса, да это и кажется невозможным.

Например, при шлюзовании сентенциальных актантов – как и именных – желательно неопределенное местоимение в первой клаузе:

- (5) **Он доказал студентам, но я не знаю, что [ср. Он доказал студентам, что нужно запретить все двери];*
- (6) *Он что-то доказал студентам, но я не знаю, что.*

Соотношение между неграмматичным предложением (3) и правильным (4) сохраняется вне зависимости от того, подразумевается на месте местоимения именная группа (*доказал теорему*) или сентенциальный актант (*доказал, что это утверждение верно*). Во всяком случае, ясно, что шлюзование не разграничивает именные и сентенциальные актанты. Так, С.С. Сай любезно указал нам на примеры, где исходная структура с сентенциальным актантом с трудом допускает шлюзование: *Он от чего-то отказался, но я не знаю, от чего* (исходной структурой скорее может быть структура типа *Он отказался от ухода, чем Он отказался уйти*). Однако причина этого вряд ли в различии между ИГ и СА.

Наконец, для определения статуса сентенциального актанта как актанта vs. сирконстанта используются так называемые островные критерии – как показано в знаменитой работе Дж. Росса [Ross 1967], из составляющих некоторых типов невозможен вынос языкового материала, в частности, при вопросе. Так, согласно [Тестелец 2001], вопросительный вынос прямого дополнения возможен из сентенциальных актантов (7), но не из сирконстантов (8):

- (7) *Что ты хочешь, чтобы он сказал?*
- (8) **Что ты расстроился, когда он сказал.*

Однако этот критерий имеет два недостатка. Во-первых, предложения с выносом зачастую выглядят искусственными, и контраст между предложениями, которые должны быть возможны, и теми, которые должны быть неграмматичны (в особенности если данные предложения содержат один и тот же показатель), не столь ясен. Так, в следующей паре предложений первое содержит СА, а второе – сентенциальный сирконстант. Если первое предложение и выглядит лучше, то это противопоставление явно не равно по силе противопоставлению стопроцентно грамматичного и абсолютно невозможного предложения.

(9) *Что ты любишь, когда он приносит?*

(10) *Что Маша кричит, когда он приносит?*

Кроме того, рассматриваемый критерий противопоставляет между собой только сентенциальные зависимые и не дает возможности сравнить их с именными. Для именных и/или предложных актантов и сирконстантов этот контраст не засвидетельствован.

Тем более нет никаких семантических оснований считать, что ИГ и СА, обладающие одной семантической ролью при одном предикате, имеют разный статус. Если верно, что ИГ заполняет семантическую валентность и должна быть отражена в толковании, скорее всего, это верно и для СА, то есть и именная группа, и сентенциальный актант являются семантическими актантами.

Далее мы не будем рассматривать данный вопрос, а по умолчанию предположим, что сентенциальные актанты могут быть актантами точно так же, как именные группы.

2. СЕНТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Признаком прямого дополнения в русском языке считается прежде всего маркирование винительным падежом. Из синтаксических тестов главный – это способность к продвижению в позицию подлежащего при пассиве:

(11) а. *Рабочие строили дом;*

б. *Дом строился / был построен рабочими.*

Второй из надежных тестов – маркирование родительным падежом при отглагольных существительных. При существительных от переходных глаголов прямой объект получает родительный падеж, а подлежащее – творительный:

(12) а. *Студенты-востоковеды в совершенстве знают арабский язык;*

б. *Знание студентами-востоковедами арабского языка.*

Здесь мы не касаемся конструкций с невыраженным исходным дополнением типа *Машина не выдержала проверки экспертов*, а также конструкций, где исходное дополнение становится предложным при имени, например, *любовь к детям*.

Протестируем по этим критериям сентенциальное «прямое дополнение».

Отметим, что существуют и другие тесты, показывающие, имеет ли именная группа статус прямого дополнения, однако они хуже применимы к сентенциальным актантам. Так, только прямые дополнения (и подлежащие) способны переводиться в родительный падеж при отрицании (*Я чувствовал мороз – Я не чувствовал мороза, Мороз чувствовался – Мороза не чувствовалось*). Однако этот тест требует, чтобы составляющая различала падежи. При том, что для актантов с *то, что* он явно дает положительный результат (*Он не осознал того, что его обманули*), к инфинитивным СА и актантам с *что* данный тест неприменим.

Точно так же только подлежащее и прямое дополнение способны употребляться в дистрибутивной конструкции с *по*, например, *В каждый магазин обратилось по одному клиенту, Каждый продавец обслужил по одному клиенту* при невозможном **Каждый продавец помог по одному клиенту* (см. обсуждение в [Babyonyshev 1996; Кузнецова 2011; Glushan 2009]). Но и здесь употребление при предлоге требует, чтобы сентенциальный актант возглавлялся именной (или местоименной) составляющей, различающей падежи (ср. невозможное **Каждый понял по что он ошибся*). Более интересен тот факт, что и СА с *то, что* не употребляется в данной конструкции (**Каждого удивило по тому, что он ошибся*). Однако, видимо, этот запрет связан не с синтаксическим статусом сентенциальных актантов, а с их семантикой: обозначения ситуаций плохо сочетаются с дистрибутивным значением (ср. *В каждый день прошло по заседанию*). Более точно сформулировать причину этого запрета мы в настоящий момент не можем.

Наконец, тест на возможность депиктива (*Он встретил его пьяным*, при невозможном *Он отдал Васе подарок пьяным*, где *пьяным* относится к *Васе*) также неприменим к сентенциальным актантам. Депиктивы не способны относиться к СА вне зависимости от синтаксической позиции последних.

2.1. Переход в конструкцию с отглагольным существительным с маркированием исходного подлежащего творительным падежом

Критерий преобразования при номинализации разбивает сентенциальные дополнения на две группы – в одну входят актанты с показателем *то, что*, в другую – все остальные.

Сентенциальные актанты с показателем *то, что* ведут себя так же, как именные, то есть получают родительный падеж, а исходное подлежащее стоит в форме творительного. В Национальном корпусе примеров с творительным падежом исходного подлежащего, соответствующего запросу «-ние + INS + того, что», 35 – и ни одного, где исходное подлежащее стояло бы в родительном падеже:

- (13) *Между тем все, что может быть универсального в подходе к ЖКХ, – это запоздалое осознание обществом того, что из воздуха берется только воздух <...>* [М. Соколов. Самообогрев (2003) // «Известия», 2003.01.29];
- (14) *В интервью оценивается понимание кандидатом того, что товар нужно уметь всучить покупателю* [С. Корнев. Продавец в американском магазине (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.05.19].

Иначе говоря, нет примеров, где номинализация при *то, что* вела себя так же, как номинализация структуры с непереходным глаголом. Она всегда ведет себя, как номинализация переходной конструкции.

Напротив, при всех остальных типах актантов это невозможно (во всяком случае, не только Национальный корпус русского языка, но и поисковые системы Google и Яндекс практически не дают таких примеров). Согласно нашей интуиции и интуиции опрошенных носителей русского языка, предложения с СА, содержащими союз *что*, и творительным падежом подлежащего неграмматичны [ср. (15), а также (16b) с правильным предложением (16a)]:

- (15) **Осознание Дмитрием, что он ошибся;*
- (16) а. *Понимание Дмитрием своих обязанностей;*
 б. **Понимание Дмитрием, что он обязан работать с полной отдачей*³.

³ Мы сознательно не говорим о том, какой будет правильная альтернатива примеров (15) и (16b). При именах от глаголов, не имеющих прямого дополнения, исходное подлежащее маркируется родительным падежом (*Вася верит в судьбу – вера Васи в судьбу*). Однако в конструкциях с сентенциальными актантами выражение исходного подлежащего часто просто невозможно или крайне затруднено: ср. *Осознание (*?Дмитрия), что он ошибся*.

Точно так же недопустимы предложения с творительным падежом подлежащего и инфинитивным оборотом:

- (17) а. *Желание игроков достичь большего;*
б. **Желание игроками достичь большего*⁴.

Напрашивается предположение, что это различие между сентенциальными актантами не связано с их синтаксическим статусом, а обусловлено их морфологией. Можно было бы предположить, что маркирование подлежащего творительным падежом допустимо только тогда, когда прямое дополнение несет на себе показатель родительного падежа – а у всех сентенциальных актантов, кроме содержащих *то, что*, показателей падежа нет.

Однако эта логика явно не проходит до конца. Рассмотрим группы с квантификатором *более*:

- (18) *Петр знает более шестидесяти языков;*
(19) *Ему понадобилось более трех лет, чтобы освоиться в Японии.*

Согласно [Тестелец 2001], группы с *более*, *около* и т. д. в литературном языке употребляются только в роли подлежащего и прямого дополнения. Однако в Интернете, в соответствии с уточнением Я.Г. Тестельца, можно найти примеры и на другие падежи:

- (20) *В ходе дальнейшего расследования были выявлены факты присвоения им около 860 тысяч рублей* [www.chechnya.ru/...];
(21) *Результатом творческой деятельности профессора <...> является публикация им более 150 работ* [www.kgsha.ru/...].

Итак, если группы с *более* и *около* используются при отглагольных существительных и исходное подлежащее выражено, то это подлежащее может (и должно) оформляться творительным падежом:

- (22) *Знание им более шестидесяти языков.*

Тем самым наличие / отсутствие у исходного прямого дополнения морфологически выраженного падежа не всегда существенно. Даже группы с *более* и *около*, словами, не имеющими показателей падежа, мотивируют творительный падеж у исходного подлежащего. Вероятно, роль играет само наличие прямого дополнения. И получается, что сентенциальные актанты, не содержащие *то, что*, – это «не настоящие» прямые дополнения.

Отметим при этом, что даже сентенциальные актанты с *то, что* с бóльшим трудом переходят в актанты отглагольных существительных, чем именные (см. ниже часть 6). Это лишний раз доказывает, что морфология и набор грамматических категорий не всегда играют решающую роль в синтаксических свойствах актанта.

2.2. Линейная позиция

Как правило, в русском языке порядок дополнений при глаголе свободный. Безусловно, можно утверждать, что практически для любого глагола существует основной (более частотный в текстах, менее прагматически нагруженный) порядок слов (см. [Li, Thompson 1976; Слюсарь 2008] о соотношении порядка слов, интонации и прагмати-

⁴ Отметим, впрочем, что от глаголов, принимающих инфинитивное дополнение: *надеяться*, *решишь / решать*, *планировать*, *хотеть*, *желать*, *привыкнуть* – крайне редко образуются имена с собственно значением S_0 . Как правило, в семантике имен, образованных от этих глаголов, происходят разного рода сдвиги: появляется значение результата (*привычка*), кванта ситуации (*желание*) и т. д. Объяснение этого факта – отдельная задача, в любом случае сравнение с собственно именами процессов и состояний типа *знание* становится сомнительным.

ческих переменных). Так, для глагола *выяснить* нейтральным является порядок, при котором за глаголом непосредственно следует Источник (у учителя), а уже затем – Содержание (что завтра занятий не будет):

(23) Я выяснил у учителя, что завтра занятий не будет.

В частности, в полном соответствии с [Hawkins 1999], для порядка слов существенна степень «тяжести» дополнений. «Тяжелые» (длинные, распространенные – и, в частности, сентенциальные) дополнения обычно (в том числе в примере (23) следуют за «легкими» (коротким, с простой синтаксической структурой).

Тем не менее для подавляющего большинства глаголов существуют условия (в частности, те или иные интонационные контуры), при которых порядок дополнений меняется, а предложение остается грамматичным. В том числе это касается и структур, где один из актантов является сентенциальным с сентенциальными актантами, как в (24):

(24) Я выяснил, что занятий не будет, у самого директора школы, так что не сомневайся.

В (24), например, говорящий выделяет (при устной речи – еще и интонацией) то, от кого он получил информацию – предложная группа *у самого директора школы* находится в фокусе, является ремой и занимает естественную для ремы позицию после других актантов глагола *выяснить*.

Однако в сфере сентенциальных актантов при полных прилагательных в творительном падеже (*счел важным приехать, оказалось невозможным это сделать*)⁵ дело обстоит несколько по-другому. СА с союзом *что*, по оценкам большинства носителей, могут располагаться только после прилагательного, но не перед ним, ср. (25) [так же, согласно нашей интуиции и корпусному материалу, ведут себя инфинитивные СА, как в (26)]⁶. Напротив, если актантом конструкции является именная группа, она может менять свою позицию относительно прилагательного. Наконец, СА с *то, что* [ср. пример (28)] ведут себя похоже на именные группы (27): перемещение в позицию перед прилагательным не делает предложение полностью неграмматичным, хотя и может ухудшать его оценку носителями языка.

(25) а. Петя счел важным, что ему дали премию.

б. *Петя счел, что ему дали премию, важным.

(26) а. Петя счел бестактным упрекать Васю.

б. *Петя счел упрекать Васю бестактным.

(27) а. Петя счел это замечание важным.

б. Петя счел важным ЭТО замечание (а другое проигнорировал).

(28) а. Петя счел важным то, что ему дали премию.

б. ?Петя счел то, что ему дали премию, важным.

(29) а. Петя считает то, что Титова удалили, судебским просчетом.

б. Петя считает судебским просчетом не только то, что удалили Титова, но и многое другое.

⁵ Мы называем формы *невозможным* и *важным* в (19) и (20) прилагательными в силу сложившейся традиции. В действительности есть некоторые основания считать их полными формами предикатива. Так, данные примеры соответствуют монопредикативной конструкции с предикативом (*Важно, что Пете дали премию*). Кроме того, трактовка форм типа *невозможным* и *важным* в этих примерах как прилагательных сталкивается с проблемой системности описания: оказывается, что данные прилагательные способны сочетаться с сентенциальными актантами только в одной форме – творительном падеже единственного числа среднего рода.

⁶ Здесь мы не включаем в рассмотрение третий из возможных порядков слов, при котором СА стоит в самом начале предложения (для инфинитива такой порядок возможен, ср. *Упрекать Васю Петя счел бестактным*).

При этом во многих других случаях дополнения с *что* переместимы: ср. два варианта примера (23)–(24).

Недопустимость (25b) и (26b) показывает, что два из рассматриваемых типов СА не являются прямыми дополнениями в полном смысле слова. Однако точное описание и объяснение данного факта нетривиально.

Исходно может показаться, что данное ограничение действует исключительно для такого рода конструкций с полной формой прилагательного / предикатива⁷ (например, *важно, нужно, невозможно, легко* и др., см. [Бонч-Осмоловская 2003; Циммерлинг 2003; Сай 2011] о данной категории слов). Однако это опровергается примерами типа:

(30) *Петя воспринимает как оскорбление, что ему не позвонили.*

Часть информантов считают эти предложения приемлемыми, в отличие от варианта с перестановкой:

(31) **Петя воспринимает, что ему не позвонили, как оскорбление.*

Скорее, следует говорить о двух типах ограничений – менее строгом синтаксическом (предикативы) и более строгом семантическом, выбрать из которых однозначно не представляется возможным. Последнее заключается в том, что жесткого порядка слов требуют преимущественно слова (предикативы и существительные, например, *оскорбление*), которые для понимания смысла требуют указания на некоторую ситуацию или содержание, например, на то, в чем заключалось оскорбление.

2.3. Пассивизация

Следующим свойством прямого дополнения, которое мы будем проверять у сентенциальных актантов, будет способность продвигаться в позицию подлежащего при пассиве. В принципе все типы сентенциальных дополнений способны к такому преобразованию – предложения типа (32)–(34) явно грамматичны:

(32) *Было решено выходить утром* (образовано от *Мы решили выходить утром*);

(33) *Автором доказывалось, что грузинский язык не является эргативным* (от *Автор доказывает, что грузинский язык не является эргативным*);

(34) *То, что Древний Рим не был полисом, было показано еще историками XIX в.* (от *Историки XIX в. показали, что Древний Рим не был полисом*).

Однако корпусной материал указывает на то, что в действительности типы и количественный состав пассивных конструкций различаются в зависимости от того, имеет исходная конструкция именной или сентенциальный актант разных сентенциальных актантов.

Для наших целей необходимо различать собственно пассив и его разновидность, которую мы предлагаем называть *статальным пассивом*. К ней мы относим конструкции вида (35) и (36) с глаголами, имеющими валентность на *Содержание* и/или *Тему*:

(35) *В книге утверждается, что викинги не носили кольчуг;*

(36) *В статье доказывалось / было написано, что баскский язык – эргативный.*

Эти конструкции, как правило, говорят о содержании книги, доклада или другого текста, существующего в определенной мере отдельно от своего автора. Например, книга существует и после момента, когда автор ее дописывает. Для доклада это верно

⁷ Обсуждение соотношения этих понятий см. ниже в 4.1.

в меньшей мере, но и его можно воспринимать как содержание в чистом виде, вне зависимости от того, кто его произносит. Так, прошедшее время в примерах типа (36) может относиться не ко времени, когда автор доказал некоторую гипотезу, а ко времени, когда информация попала в руки Говорящему или Наблюдателю.

Помимо собственно семантики, статальный пассив от стандартного отличается по аспектуальным свойствам. Глагол *доказывать* или *говорить* в настоящем времени и в стандартной пассивной конструкции может выражать время, когда было сделано утверждение (*Вчера им говорилось, что он не будет участвовать в собрании*). Время статального пассива обозначает время существования источника, где сделано соответствующее утверждение.

Важное для нас синтаксическое отличие от стандартной пассивной конструкции заключается в том, что вместо выражения агенса группой в творительном падеже может употребляться название текста или локативная группа, обозначающая автора: *У Пушкина говорится, что гений и злодейство несовместны*. В активной конструкции название текста и обозначение автора могут сочетаться и в одном предложении, например, *В книге автор доказывает, что викинги не носили кольчуг*. Однако в пассивных конструкциях эти комбинации зачастую выглядят сомнительно – во всяком случае, избыточно, хотя и допустимы:

(37) *В докладе Ивановым обосновывалась / доказывалась необходимость радикальных мер.*

Сентенциальные актанты выступают в статальной конструкции легче, чем в стандартной – для именных дополнений ситуация противоположная.

- (38) а. *Необходимость крайних мер доказывалась многими политиками;*
б. *Многими политиками доказывалось, что необходимы крайние меры;*
с. *В книге доказывалась необходимость крайних мер;*
д. *В книге доказывалось, что необходимы крайние меры.*

Предложения типа (38b) (стандартный пассив, сентенциальный актант) и (38с) (статальный пассив, именной актант) по нашей интуиции являются гораздо более стилистически маркированными, чем их аналоги (38a) и (38d). Впрочем, мнения носителей относительно (38с) и (38d) расходятся.

В частности, глаголы, не способные или ограниченно способные принимать именные дополнения, обычно выступают в статальной конструкции. Например, лексема *написать* способна управлять следующими типами дополнений:

- 1) сентенциальный актант (*написал, что уезжает*);
- 2) название текстов или символов (*написал книгу, написал букву*);
- 3) дополнения с обобщенной семантикой (*Кто все это написал? Написать такое мог только дурак*).

В первом случае стандартная конструкция практически невозможна, а статальная совершенно нормальна:

(39) **Начальником было написано, что он уходит со своего поста;*

(40) *Папа протянул редактору листок бумаги, на котором было написано, что пропал мальчик, по имени Травка [С. Розанов. Приключения Травки (1938)].*

Более того, ни одного примера на стандартный пассив от *написать* с выраженным агенсом при сентенциальном актанте в Корпусе не встречается.

Аналогичным образом ведет себя пара глаголов *говорить / сказать*, которая управляет только дополнениями с обобщенной семантикой. Аналитическая пассивная конструкция допускает стандартный вариант, но возвратный глагол в пассивном значении так не употребляется:

- (41) а. *Петров сказал / говорил, что уезжает;*
б. *Петровым говорилось, что он уезжает;*
с. *В записке говорилось, что Петров уезжает.*

Ясно, что статальный пассив находится несколько дальше от канонического понимания пассива, чем стандартная конструкция. В частности, канонический пассив (даже без выраженного агенса) по определению обозначает ситуацию, в которой участвует некоторый активный партиципant или действующая сила (т. е. ту же ситуацию, которую обозначает активная конструкция). Напротив, статальный пассив семантически отделен от активного залога и обозначает не изменение состояния, а само состояние – и, понятным образом, в этом состоянии агенс уже не участвует.

Можно было бы предположить, что различие между статальным и обычным пассивами связано просто с семантическим классом глагола (например, глаголы речи не склонны формировать стандартный пассив). Однако это не так. Из следующих предложений, содержащих один и тот же глагол, гораздо более нормальным выглядит первое, где исходное дополнение (= подлежащее при пассиве) именное, а не сентенциальное:

- (42) а. *На празднике, как всегда, говорилось много глупостей;*
б. *На празднике говорилось, что все любят юбиляра.*

Тем самым, как только пассив перестает быть статальным [конструкция в (42) имеет динамическое прочтение – слова говорились в конкретный момент времени], статистически чаще встречается именное подлежащее.

Соотношение этих двух типов пассива с переходностью не совсем ясно. Вообще говоря, известно (см., например [Янко-Триницкая 1962; Gerritsen 1990; Падучева 2001; Князев 2007] и др.), что *-ся* почти во всех своих употреблениях присоединяется преимущественно к переходным глаголам⁸. Статальный пассив, видимо, не исключение. В действительности есть два способа анализировать эту ситуацию. Первый состоит в том, чтобы считать, что статальный пассив, отличаясь от стандартного по семантике, хорошо сочетается с сентенциальными актантами, выражающими содержание и т. д.

Второй же способ предполагает, что статальный пассив все же является безличным, сентенциальный актант не занимает позицию подлежащего. Эта точка зрения отчасти подкрепляется тем, что структуры типа *в книге говорится много глупостей* встречаются редко, хотя по смыслу ИГ *много глупостей* аналогична сентенциальному актанту типа *что викинги не носили кольчуг* и тоже выражает содержание. Тем самым структура *В книге говорится* (статальный пассив) плохо сочетается с явным, каноническим, именным подлежащим, выраженным существительным или количественной группой в именительном падеже. Сама возможность структуры с именным актантом, однако, усложняет ситуацию. Вероятно, следует считать, что статальный пассив действительно является безличным, однако и личные пассивные конструкции способны иметь статальное прочтение. Другой вариант состоит в том, чтобы рассматривать ИГ с общим значением типа *всякие глупости* как промежуточные между сентенциальными актантами и предметными именами и считать, что такие ИГ имеют свойства и именного, и сентенциального актанта.

Выше мы показали, что сентенциальные актанты часто выступают в статально-пассивной конструкции. Это различие в поведении коррелирует с другим, чисто статистическим. А именно, при СА существенно реже, чем при ИГ, выражается агенс (сравнивались конструкции в прошедшем времени, например, *было доказано, что преступник скрылся* vs. *следствием было доказано, что преступник скрылся*).

⁸ Исключением являются только очень продуктивный безличный модальный пассив (*Старухе не спалось, Мне не работается*) и ограниченный маленькой группой глаголов безличный пассив без модальной семантики (*В статье говорится о новых машинах, Тут намекается, что директор школы брал взятки*). Они образуются от непереходных глаголов.

**Процент конструкций с выраженным агенсом среди
всех пассивных конструкций⁹**

глагол	пассивов	пассивов с выраженным агенсом	процент от общего числа
было сказано, что	427	2	0,5%
были сказаны	171	16	9,4%
было решено	1575	8	0,5%
был создан	1081	39	3,6%
был разрушен	145	19	13%
было доказано	203	9	4,4%
было показано	611 (324 что)	43 (36 что)	7%
был задуман	118	10	8,5%
было выяснено	90	4	4,4%
был объяснен	7	2	28,6%
были объяснены	15	3	20%
было объяснено	9	1	11,11%
был рассказан	17	5	29,4%
было рассказано, что	4	0	0%
рассказывалось, что	17	0	0%
рассказывался	8	2	25%
рассказывались	54	1	1,85%
были рассказаны	13	5	38,5%
сообщалось, что	>200	0	0%
сообщались	120	1	0,7%
сообщался	34	0	0%
было сообщено, что	62	1	1,6%
был сообщен	17	4	23,5%
были сообщены	35	10	28,6%

Для некоторых случаев сознательно сравнивались между собой различные формы одних и тех же речеактивных глаголов. В частности, для глагола *сказать* агенс при множественном числе *были сказаны* выражается реже, чем при *сказать + что* (множественное число показывает, что перед нами не сентенциальный актанта). Аналогичный вывод мы получаем для глагола *рассказывать*. При этом высокий процент выражения агенса дают и форма множественного числа, и форма единственного числа мужского рода – иначе говоря, разные формы, существенно, что актанта при них именной, а не сентенциальный.

Соотношение между глаголами менее показательно. Так, при глаголе *создать* агенс выступает гораздо реже, чем при *разрушить*. Важно, однако, что высокий процент вы-

⁹ Поиск проводился по Национальному корпусу русского языка. Для ряда глаголов (*сказать*, *рассказать*) были найдены примеры на пассивные конструкции с сентенциальным актанта (Было сказано, что уехать он не может) и с именной группой (Эти слова были сказаны угрожающим тоном). Для других глаголов проводился только поиск конструкций одного из типов. Для поиска конструкций с СА задавался запрос с пассивной формой в среднем роде (затем отсеивались примеры типа слово было сказано), для поиска конструкций с ИГ – с пассивной формой в мужском роде или во множественном числе. Данная методика имеет один недостаток: в число конструкций со средним родом попадают и те, где глагол имеет именной актанта (например, Слово было сказано). Однако высокий процент среди примеров со средним родом глагола конструкций с СА и редкость выражения агенса показывают, что это огрубление мало влияет на общие результаты. Как и в статье в целом, отглагольные имена мы относим к именным актантам, т. е. предложения типа *Отступление было задумано заранее* считаются содержащими именной актанта.

ражения агенса (13%, 8,5%) встречается только при глаголах, управляющих только или преимущественно именными актантами (*задумать* способен управлять и сентенциальным дополнением, но встречается это реже).

Конструкции с именными актантами (*был рассказан, рассказывался, был разрушен, был создан, были сказаны*) явно в среднем чаще встречаются с выраженным агенсом, чем глаголы с сентенциальным актантом (*было сказано, что; было рассказано, что; рассказывалось, что*). Это верно, независимо от того, имеем мы дело с глаголом, способным присоединять и именные, и сентенциальные актанты (*рассказать*) или только именные (*разрушить*). Тем самым наиболее полный (хотя и сравнительно редко встречающийся в русском) вариант пассивной конструкции для глаголов с сентенциальными актантами в целом характерен еще в меньшей мере, чем для предикатов с именными актантами¹⁰. Эта тенденция очевидна даже для глагола *сообщить*, который вообще редко управляет именными актантами:

- (43) *Эти нездешние новости ему сообщались в свою пору по телефону теми удачливыми знакомцами, какие насиживали местечки в самом карагандинском полку* [О. Павлов. Казенная сказка (1993)].

Показательно, что при глаголе *решить* (в значении 'принять решение') агенс встречается единственный раз – и в этом случае глагол управляет именным актантом, что для него в целом нехарактерно:

- (44) *Взрыв же в Леонтьевском переулке показывал, что в стране есть еще силы. Новое вскрытие вен народу Дзержинским было решено* [Р.Б. Гуль. Дзержинский (Начало террора) (1974)]¹¹.

Исключение составляют глаголы *показать* и *доказать*, у которых при употреблении с сентенциальным актантом очень высок процент конструкций с выраженным агенсом. Это связано с тем, что данные лексемы характерны прежде всего для научных текстов, где процент таких конструкций в целом резко повышается.

3. СЕНТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Проверить сентенциальный актант на статус подлежащего труднее, чем на статус прямого дополнения. В русском языке для подлежащего, безусловно, есть диагностические контексты и преобразования (см., в частности, [Козинский 1983; Тестелец 2001]). Однако к сентенциальным актантам они применимы ограниченно, и причины этих ограничений отнюдь не всегда ясны.

Напомним о некоторых свойствах канонического подлежащего. Так, подлежащее должно быть способно контролировать рефлексивы, деепричастие. Некоторые типы подлежащего также способны к употреблению в дистрибутивном контексте и преобразованию в генитив при отрицании (см., однако, ч. 2 о неприменимости этих двух текстов к сентенциальным актантам).

Применим некоторые из диагностик к сентенциальным актантам.

Прежде всего, не все типы сентенциальных актантов могут занимать позицию подлежащего при всех типах глаголов одинаково. Инфинитив редко бывает подлежащим переходного глагола, отсюда неграмматичность примера (47):

¹⁰ Несколько выделяется на общем фоне глагол *показать* в научном употреблении, поскольку он стандартно используется в научных статьях в полной пассивной конструкции – даже чаще, чем в активной. Встречаются и конструкции, где роль агенса выполняет личное местоимение (*Нами было показано, что это химическое соединение быстро разлагается*) – вне научной речи такого рода пассивы, безусловно, крайне редки.

¹¹ Впрочем, и в этом примере словоформа *Дзержинским* может зависеть не от глагола в пассиве (*было решено Дзержинским*), а от отглагольного существительного (*вскрытие вен Дзержинским*).

- (45) Я боялся ходить по переулку вечером;
 (46) Мне было страшно ходить по переулку вечером;
 (47) *Меня пугало ходить по переулку вечером.

Одним из исключений могут служить глаголы *задолбать*, *достать*, которые в значении 'надоесть' употребляются только в разговорной речи (чаще всего у молодежи):

- (48) На костылях уже *задолбало* ходить [journal.ru/journals_comments.php?id=3306414].

Глаголы *затруднить*, *забавлять*, *интересовать* также способны выступать с подлежащим-инфинитивом, однако эти случаи редки по сравнению с *быть трудным*, *быть интересным*, *быть забавным*.

- (49) Меня забавляло удручать полицейских расспросами – кто и когда поедет, чего они никогда не смели сказать [О.Э. Мандельштам. Шум времени (1923)];
 (50) – Вас не затруднит добраться до плавбазы на вертолете? [А. Вайнер, Г. Вайнер. Я, следователь... (1968)];
 (51) Тогда все это было у всех на глазах, и никого не интересовало писать о том, что все знают: ну кто будет читать о банях? [В.А. Гиляровский. Москва и москвичи (1934)].

Тем самым данный признак уже делает инфинитив «неполноценным» подлежащим: канонические подлежащие в русском языке способны выступать без ограничений при любом синтаксическом типе глаголов.

Перейдем к другим диагностическим свойствам подлежащего. Контролером рефлексива чаще всего является подлежащее (см. [Ross 1967], а также [Тестелец 2001] для русского языка):

- (52) Полицейский_i подвел мужчину_j к своей_i машине ('к машине полицейского', ср. к его машине, если машина принадлежит мужчине);
 (53) Петя_i не должен обижать Васю_j у себя_i дома ('дома у Пети', ср. у него дома, если дом принадлежит Васе).

Употребление деепричастий в литературном языке ограничено случаями, когда нулевой субъект (PRO) деепричастия кореферентен подлежащему главной клаузы:

- (54) а. *Выезжая* из гаража, он увидел необычную картину;
 б. **Выезжая* из гаража, ему преградили путь упавшие ветки.

В разговорной речи встречаются случаи, когда указанное требование нарушается, однако эти примеры скорее находятся вне литературной нормы:

- (55) Сегодня, *выходя* из дома, видно что весна идет [http://ilerros.livejournal.com/5145.html].

Впрочем, данные два критерия, как показано в [Тестелец 2001], дают разные результаты для конструкций с неканоническими «подлежащими» типа *Васю тошнит*, *Девушке стыдно*. Если контроль деепричастий для них очевидным образом невозможен или по крайней мере не полностью грамматичен (56), то рефлексивизация для некоторых из этих предикатов допустима (57), (58):

- (56) **Выходя* из дома, ему стало стыдно за брата;
 (57) Мне стыдно за свое поведение;
 (58) Меня тошнит от своих родственников.

Оба эти критерия дают отрицательный результат с сентенциальными актантами. Однако какими факторами это вызвано – семантическими или синтаксическими – не вполне ясно.

3.1. Контроль рефлексива

Казалось бы, контроль сентенциальным актантом рефлексива невозможен – ни в Корпусе, ни в поисковых системах в Интернете найти таких примеров не удалось. Однако объясняется это скорее семантическими, чем синтаксическими причинами. Есть немало глаголов, у которых два именных актанта могут быть кореферентными, однако для глаголов с сентенциальными актантами это нехарактерно. Ясно, что среди глаголов речи искать бесполезно – один из их актантов является сентенциальным, второй (и третий, если он есть) – именными: это говорящий и адресат. Точно так же в требуемом контексте не могут выступать глаголы эмоций, мысли и чувств. Единственный класс лексем, у которого может быть два сентенциальных актанта – глаголы логической зависимости: *зависеть от*, *быть связанным с*, *обусловить* и *быть обусловленным*, *привести к*, *вытекать из* и т. д.:

(59) *То, какую оценку ты получишь, зависит от того, сколько ошибок ты сделаешь;*

(60) *То, что Людовик XIV прожил так долго, привело к тому, что после него на трон вошел его правнук.*

Безусловно, подобные примеры крайне редко встречаются в тексте, но грамматически они возможны. Однако актантный рефлексив при данных глаголах встретиться не может. Как правило, ситуация не может вытекать из себя самой, зависеть от себя самой¹² или быть связанной с собой самой.

При этом рефлексивные местоимения *себя* и *свой* с антецедентом-ситуацией (в том числе выраженной сентенциальным актантом) возможны:

(61) *В итоге загрузка железных дорог снизилась, что повлекло за собой снижение доходов РЖД – более чем на 170 млн долларов в год [А. Виньков. Конец портовых привилегий (2004) // «Эксперт», 2004.12.13];*

(62) *То, что данному вопросу уделялось недостаточно внимания, повлекло за собой стремительный рост недовольства со стороны социальных масс [hrivna.info/novosti.../279-dohody-ukraincev-budut-vyrovneny.html];*

(63) *То, что его папа работает в том же институте, имеет свои недостатки и свои достоинства.*

Однако практически все эти употребления по классификации, предложенной в [Лютикова 2002], не являются собственно рефлексивами. Это либо интенсификаторы, как в *имеет свои недостатки*, либо части фиксированных сочетаний типа *повлечь за собой*. Это интенсификаторы или близкие к ним единицы. Рефлексив в данном случае скорее не обозначает синтаксическую кореферентность, а подчеркивает, что, например, недостатки и достоинства есть и у данной ситуации (63) (ср. близкие употребления типа *У всех свои маленькие слабости*, *Каждому свое*). Найти же примеры на бесспорно рефлексивные употребления снова оказывается затруднительным.

Заметим, что и группы с отглагольными существительными, обладающие, казалось бы, явно актантным статусом, мало встречаются в комбинации с рефлексивами. Это опять же связано со свойствами глаголов логической зависимости, с трудом допускающих кореферентность участников ситуации¹³.

¹² Заметим, что контексты типа *Вася хочет зависеть только от себя самого*, конечно, возможны, но это связано не со свойствами именного актанта, а с различием в значении глагола *зависеть*.

¹³ Если говорить шире, легко видеть, что рефлексивная кореферентность вообще нехарактерна для неодушевленных участников – что, конечно, неверно для реципрока. Неодушевленные предметы могут симметрично взаимодействовать друг с другом (*Деревья отнимают друг у друга солнечный свет*), но ситуации, где предмет воздействует сам на себя (*Дерево само себя сломало*) возникают в реальном мире крайне редко.

3.2. Контроль деепричастия

Несколько легче обстоит дело с контролем деепричастия. Все типы сентенциальных актантов практически неспособны к нему (ср. (66)), и здесь причина, видимо, синтаксическая, а не семантическая. Например, из следующих предложений, согласно нашей интуиции, нормальны только первые два, хотя во всех трех случаях актантом глагола является название ситуации. Предложения типа (66) не встречаются и в корпусе, хотя ряд опрошенных их допускают:

- (64) *Напугав, удивив его, эта мысль крепко в нем завязла* [В.Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)];
(65) *<...> мы, к своему огорчению, почувствовали какое-то непонятное внутреннее отдаление. Потом, после возвращения Андрея из ссылки, оно все больше и больше увеличивалось и углублялось, в конце концов приведя к полной потере контакта* [А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)];
(66) **То, что, оказывается, можно уехать, удивив его, все же его успокоило.*

В то же время нельзя сказать, является ли этот запрет чисто синтаксическим. Так, конструкция *тот факт, что* также статистически редко, по данным Корпуса и поисковых систем контролирует деепричастие. Хотя по смыслу и функции эта конструкция весьма близка к сентенциальным актантам, формально она, конечно, является именной группой (с релятивным оборотом с союзом *что*). Вполне возможно, что сверхобобщенные группы типа *то, что* или *тот факт, что* не контролируют деепричастие в силу низкого положения в иерархии одушевленности. Вспомним, что в целом неодушевленные участники контролируют деепричастия реже, чем одушевленные (см., например [Онипенко, Никитина 2012]).

Однако против семантической трактовки говорит неспособность групп с *то, что* контролировать даже деепричастие *будучи*. Эта форма в силу семантики глагола *быть* практически в чистом виде выражает параллельное существование двух ситуаций – и даже для неодушевленных непредметных ИГ контроль деепричастия *будучи* вполне возможен, ср., например, возможное (67а), в противоположность не полностью грамматичному и не встречающемуся в Корпусе и поисковых системах (67б):

- (67) а. *Это происшествие, будучи весьма знаковым для нынешней России, все равно не слишком значительно в мировом масштабе;*
б. *???То, что он приехал, будучи весьма знаковым для нынешней России...*

Сентенциальные актанты с *что* вряд ли могут встретиться в конструкциях с деепричастиями даже теоретически. Причина в их линейной позиции после глагола: варианты вида **Будучи знаковым, что он приехал, это не важно в мировом масштабе* аномальны для русского языка с точки зрения порядка слов (впрочем, другой порядок – **Что он приехал, будучи знаковым* – также невозможен...).

Напротив, инфинитиву никакие его общие свойства не мешают сочетаться с деепричастиями – и все же это невозможно, ср. безусловно неграмматичные предложения типа **Приехать туда, показавшись вначале невозможным, затем оказалось вполне реальным* (при возможном *Приехать туда сначала показалось невозможным, а затем оказалось вполне реальным*).

Вне деепричастной конструкции запретов такого типа не наблюдается. Другие типы зависимой предикации – придаточное предложение и инфинитивная конструкция – допускают совпадение субъекта с сентенциальным актантом в главном предложении:

- (68) *То, что он приехал, хотя и было поначалу для всех важно, быстро забылось;*
(69) *Уехать должно было стать невозможным.*

На сегодняшний день природа запрета на деепричастия, контролируемые сентенциальным актантом, не вполне понятна. Во всяком случае, он очевидным образом свя-

зан не только с наличием / отсутствием падежного маркирования у сентенциального актанта (по данному критерию СА с *то*, что ведут себя близко к остальным типам СА, практически никогда не контролируя деепричастия).

3.3. Конструкции с дативным актантом

В качестве дополнительного теста на подлежащий статус СА мы предлагаем использовать способность / неспособность выступать в составе ряда конструкций, например, *ему предстояло, надо же было* и т. д. Особенность этих конструкций состоит в том, что они образуются преимущественно от предложений, содержащих каноническое подлежащее в именительном падеже, контролирующее глагольное согласование. В рассматриваемых конструкциях это подлежащее становится дативным аргументом модального предиката или предиката с аспектуальной или таксисной семантикой. Так, конструкции (70)–(73) правильны, поскольку исходное предложение содержит актант в номинативе. (74) и (75) неграмматичны в силу его отсутствия:

- (70) *Вовремя. Надо же было так всему сложиться* [А. Измайлов. Трюкач (2001)];
(71) *И надо же было произойти такому «роковому» совпадению, что именно в это время он созрел для самостоятельной режиссуры и пришел к Франко за «благословением»* [Продюсер удачи (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06];
(72) *Надо же было Джону Нэшу сбежать в самый неподходящий момент!*
(73) *Надо же было Джону Нэшу заболеть / испугаться в самый неподходящий момент!*
(74) **Надо же Васю было стошнить / было Васю стошнить в самый неподходящий момент!*
(75) **Надо же было Васе стать страшно / стыдно в самый неподходящий момент!*

Запреты здесь очевидным образом не семантические, а именно синтаксические. Конструкция с *надо же* допускает предикаты без агентивного участника, не случайно возможно предложение (73). Напротив, (74) и (75) невозможны, хотя в (75) используется квазисиноним глагола *испугаться* – *стать страшно*, тем самым о семантической мотивации речи быть не может¹⁴.

Применим тот же тест к сентенциальным актантам. Если они занимают синтаксическую позицию подлежащего, то должны быть совместимы с конструкцией *надо же*.

Тест дает весьма неожиданные результаты. Сентенциальные актанты действительно способны выступать в анализируемой конструкции, но избирательно – и запреты здесь гораздо менее тривиальны, чем для актантов именных:

- (76) *Надо же было случиться, чтобы именно тогда ехал по лесной тропинке прямехонько через означенную лужайку пацан из местных на отцовском дорожном велосипеде* [С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002];
(77) *И надо же было так случиться, что как раз в это мгновение подул ветерок, с дерева сорвалась огромная айва и ударила его по голове* [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)];
(78) *И надо же было выясниться, что он тоже на меня запал в универе. Нефарт, или действовать надо было быстрее?* [pda.nefart.ru/other/?page=502];
(79) ?*Надо же было оказаться, что у Пети в этом городе куча знакомых!*
(80) **Надо же было ему захотеться выпить чаю!*
(81) *Надо же было Васе так испугаться из-за того, что в комнате было темно!*
(82) *Надо же было этой чепухе так напугать Васю!*
(83) **Надо же было Васю так напугать, что в комнате было темно!*
(84) ?*Надо же было Васе присниться, что он слон!*
(85) ?*Надо же было тому, что / тому факту, что в комнате было темно, так напугать Васю!*¹⁵

¹⁴ Нетрудно заметить, что этот тест дает другие результаты, нежели контроль рефлексива. См. [Тестелец 2001] с примерами типа *Мне стыдно за себя*, где дативный Экспериенцер при (быть) *стыдно* контролирует рефлексив.

¹⁵ Последнее предложение может быть сомнительно и в силу принадлежности конструкции *надо же (было)* к устной (преимущественно разговорной) речи, которая конфликтует с официально-деловой стилистической отнесенностью сочетания *тот факт, что*.

Первый очевидный факт состоит в том, что и данный тест в большей части случаев не проходит СА с союзом *что*, за исключением предложений (76) и (77), к которому мы вернемся ниже. При переходных глаголах с сентенциальным подлежащим с союзом *что* (83) *надо же* невозможно.

Менее очевидна неграмматичность (79) и особенно (78), где конструкция с *что* занимает позицию подлежащего непереходного глагола. Они возможны, хотя являются разговорными. В поисковых системах Google и Яндекс встречаются и другие примеры такого рода, однако они немногочисленны.

Некоторую загадку представляют конструкции вида (76) и (77), где предложение становится безусловно приемлемым при глаголе *случиться*. Если же, как в (77), во фразе наряду с СА имеется слово *так*, предложение выглядит еще лучше. В исходной конструкции:

(86) *Так случилось, что я сейчас не в Москве* –

так, конечно, не занимает позицию подлежащего в полном смысле слова, однако дублирует сентенциальное подлежащее *что я сейчас не в Москве*. Отметим, что вариант *случилось, что я сейчас не в Москве* гораздо менее приемлем. Но в целом в конструкции с *надо же* допустим не только вариант *надо же было так случиться*, но и *надо же было случиться*. Отметим, что близкая по синтаксическому устройству конструкция с глаголом *сложиться* не встречается в Корпусе с *надо же было* – единственный пример на этот глагол содержит именной (местоименный) актант *всему* (*надо же было всему так сложиться*).

Перейдем к конструкциям с *то, что* и инфинитивом. Предложения с *то, что* не встречаются в Корпусе, однако искусственно построенные примеры типа (85) можно считать шероховатыми, но в гораздо меньшей степени, чем пример (83) с *что* при переходном глаголе. Для *то, что* это означает промежуточное положение между именными группами в (70)–(73) и сентенциальным актантом с *что*.

С инфинитивом положение хуже – в роли подлежащего при переходных глаголах инфинитивные обороты практически не встречаются (см. вводные замечания части 3). Примеры типа (80) кажутся неграмматичными.

Тем самым для инфинитива конструкция с *надо же* не является тестом на статус прямого дополнения. Конструкции с *что* и переходными глаголами тест не проходят, а значит, сентенциальные актанты с *что* не являются по данному критерию прямыми дополнениями (однако сложнее ситуация с СА, занимающими позицию подлежащего). Сентенциальные актанты с *то, что* по этому критерию, напротив, должны считаться прямыми дополнениями.

Мы предполагаем, что в роли диагностических контекстов, проверяющих подлежащий статус СА, могут использоваться и другие конструкции, образуемые от конструкций с каноническим подлежащим, например конструкция с глаголом *предстоять* (*Он стал политиком – Ему еще только предстояло стать политиком*). Однако конструкция с *предстоять* – более сомнительная диагностика. Это связано с ограничениями на позицию дативного аргумента: ряд неодушевленных существительных с трудом попадают в нее:

(87) *Ему еще только предстояло стать звездой балета;*

(88) *Правде еще только предстояло выясниться.*

Однако в целом, если исходное предложение содержит каноническое подлежащее в именительном падеже, то конструкция возможна, пусть и с ограничениями.

Для сентенциальных актантов в составе конструкции с *предстоять* тоже действуют ограничения, однако степень их строгости ясна не до конца:

(89) *Еще только предстояло выясниться, что Советского Союза больше не существует;*

(90) *Тому, что Ельцину сделали операцию, еще только предстояло шокировать публику.*

В целом можно считать, что конструкции с дативным подлежащим показывают отличия сентенциальных актантов от именных (ни актанты с *то, что*, ни актанты с *что* не являются стопроцентно приемлемыми в данной конструкции). Также оказывается, что существенна переходность глагола, при котором подлежащим является сентенциальный актант. Впрочем необходимо учитывать, что неправильность примеров типа (83) может следовать не только из синтаксических свойств сентенциального актанта, но и из ограничений, связанных с линейным порядком. В стандартном случае непосредственно после *надо же (было)* следует дативный аргумент – подлежащее исходного глагола (ср. маргинальность предложений типа *???Надо же было попасть в такую ситуацию именно Васе*). Однако в (83) такой порядок (**Надо же было, что в комнате было темно, так напугать Васю*) невозможен в силу того, что сентенциальные актанты с *что* практически всегда располагаются за глаголом, от которого зависят.

Существенно, что актанты с *то, что* возможны в данной конструкции. Безусловно, такие контексты не являются частотными. Тем самым конструкции с *что* (за исключением особого варианта *так случиться, что*) явно не проходят данный тест на подлежащее, а с *то, что* – скорее проходят, хотя с значительно большим трудом, чем именные актанты.

4. СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТАНТЫ В КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДИКАТИВОМ / ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

Выше мы уже упоминали о свойствах сентенциальных актантов при предикативах. Здесь мы более подробно анализируем их свойства. Имеется в виду сентенциальный актант в конструкциях типа:

- (91) *Что он покался, конечно, хорошо, но не снимает с него вины;*
(92) *Мне приятно, что Вася все-таки меня поздравил.*

Мы сознательно не называем эти актанты подлежащими или дополнениями. В начале статьи говорилось, что этот вопрос обходится большинством исследователей – несмотря на то, что авторы грамматики [Грамматика 1980: раздел 1653] без дополнительных аргументов называют конструкции с предикативами **однокомпонентными** (т. е. не усматривают в них подлежащего), не уточняя, что конкретно имеют в виду. Так, безусловно, возможна точка зрения, при которой *что он покался* – подлежащее в (91), а *хорошо* (вместе с нулевой связкой) – часть сказуемого. В этом случае *сентенциальный актант* (подлежащее) имеет связку или сказуемое в целом, а не собственно предикатив.

Еще один вопрос, который мы сознательно обходим, – вопрос о месте предикативов в системе русских частей речи. Часть исследователей называют основную группу предикативов «предикативные наречия» (см. [Грамматика 1980: раздел 1653], некоторые из них разделяют на группы, относящиеся к кратким прилагательным (*курить вредно*) и к собственно безличным предикативам (*мне скучно*) [Буланин 1976: 176–179] или делят конструкции на классы более сложным образом. Например, А.Н. Гвоздев [Гвоздев 1973: 60] и М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1984] считают, что конструкции типа *кататься весело* содержат краткие прилагательные, а их близкие аналоги типа *скучно сидеть на лекции* безличны и в них нужно усматривать предикатив. Из последних исследований отметим [Сай 2011], где весьма обоснованно утверждается, что для разных предикативов ответ на вопрос о соотношении с наречиями и/или прилагательными может быть разным. Как представляется, эта проблема тесно связана с более общей – проблемой определения части речи, которую было бы слишком долго здесь обсуждать.

Исходные положения таковы. Предикативы в большинстве своем совпадают с краткой формой среднего рода прилагательного – и, соответственно, существуют пары конструкций с предикативом и с прилагательным:

- (93) *Важно, что Вася все-таки приехал;*
 (94) *Этот поступок Васи очень важен;*
 (95) *Опасно так оскорблять чиновников;*
 (96) *Поведение Васи очень опасно*¹⁶.

Основная функция предикативов – использоваться в качестве сказуемого (точнее, компонента сложного сказуемого с нулевой или выраженной связкой). Однако они способны и подчиняться главному глаголу – а именно, глаголам *(по)казаться, оказаться, считаться, представляться* и т. д. Именно такого рода конструкции мы разберем ниже.

4.1. Конструкции с полувспомогательными глаголами

Итак, как сказано выше, предикативы способны выступать в конструкциях с глаголами типа *(по)казаться, оказаться, считаться, представляться* и т. д. – часть из этих глаголов традиционно называются полувспомогательными. С теми же глаголами сочетаются и стандартные прилагательные:

- (97) *Ходить туда опасно;*
 (98) *Такие путешествия опасны;*
 (99) *Ходить туда считалось опасным;*
 (100) *Эти работы считались опасными.*

Отметим, что разница между (97) и (98) – только в том, сентенциальное или именное подлежащее имеет конструкция. Поскольку априори ничто не говорит нам, отдельной частью речи является предикатив или нет, оказывается, что вся разница именно в природе подлежащего.

Однако при подчинении полувспомогательным глаголам типа *считаться, казаться, оказаться* разница между предикативами и прилагательными состоит в том, что предикативы (= прилагательные в конструкциях с сентенциальным подлежащим) обычно не переходят в форму полного прилагательного – напротив, прилагательные переходят в полную форму.

Для некоторых сочетаний «глагол + предикатив / прилагательное» контраст особенно заметен. Так, предикатив *опасно*, подчиняясь глаголу *считаться*, может сохранять форму, а для прилагательного это невозможно:

- (100') *Ходить туда считалось опасно;*
 (101) **Эти работы считались опасны / *Это путешествие считалось опасно.*

В то же время, для большинства комбинаций граница не столь резка. Так, предикатив *приятно* сохраняет форму существенно чаще, чем прилагательное, но все четыре теоретически мыслимых варианта (см. (102) и (103)) встречаются в поисковых системах:

- (102) *Мне казалось приятно / приятным, что...;*
 (103) *Эти комплименты казались ей приятными / приятны*¹⁷.

Отметим, что не только при полувспомогательном глаголе, но и при глаголе *быть* данное различие заметно. Так, словосочетание *было невозможно* появляется в Корпусе, если актант конструкции является сентенциальным (*исправить опечатки было невоз-*

¹⁶ См., однако, работу [Сай 2011], где показано, что этот параллелизм неполный – в частности, некоторые предикативы способны присоединять Экспериенцера в дательном падеже, а для соотносительных прилагательных это невозможно (ср. *Мне очень грустно* vs. **грустные нам события, *эти события грустны всем людям*).

¹⁷ Здесь мы оставляем в стороне другие возможные факторы, влияющие на сохранение формы / замену на полное прилагательное.

можно). Более редкий вариант *было невозможным* преимущественно выступает при именном актанте (см. таблицу 2).

Существенно, что особенности поведения именных и сентенциальных актантов при исследуемых глаголах не слишком тесно связаны с общим распределением кратких прилагательных / предикативов и полных прилагательных. Так, и при сентенциальном, и при именном актанте прилагательное *невозможный* обычно не выступает в полной форме в сказуемом с невыраженной связкой: ср. *Такое название невозможно* / **невозможное*.

В таблице 2 показаны различия между двумя предикативами и соответствующими по количеству конструкций без изменения vs. с изменением формы на полную в конструкциях с глаголом *оказаться*.

Показательно поведение конструкций с *это*, также представленное в данной таблице. Как правило, местоимение *это* в субстантивной функции отсылает к сентенциальным актантам, ср.:

(104) *Я хотел зайти попрощаться, но это оказалось невозможным.*

Однако в подавляющем большинстве случаев наличие подлежащего *это* влечет замену формы прилагательного на полную. Тем самым существенно не то, к чему отсылает местоимение, а природа самого местоимения. Поскольку *это* – именная группа, а не сентенциальный актант, прилагательное в конструкции с полувспомогательным глаголом принимает полную форму. Отметим, что в конструкции с нулевой связкой возможна только краткая форма:

(105) *Это невозможно* / **невозможное*.

Таблица 2

Полные и краткие формы предикативов и прилагательных

	При актанте-СА (= предикатив)	При актанте-ИГ (= прилагательное)	доля ИГ ¹⁸
<i>было невозможно</i>	99	1	0,01
<i>было невозможным</i>	1	7	7
<i>оказалось невозможно</i>	50	1	0,02
<i>оказалось невозможным</i>	81	15	0,18
<i>это оказалось невозможно</i>		5	
<i>это оказалось невозможным</i>		45	
<i>оказалось приятно</i> (Google, первые 5 страниц выдачи)	43	12	0,28
<i>оказалось приятным</i> (Google, первые 5 страниц выдачи)	1	36	36

Отметим, что существенно именно сопоставление с предикативами форм прилагательных в среднем роде. В других родах (*оказался невозможным*) форма прилагательного не омонимична, не совпадает с предикативом, а значит, статистика говорит нам меньше о различии конструкций с именными vs. сентенциальными актантами. Отглагольные существительные мы при этом относим к именным актантам – в частности, в силу наличия категории падежа и отсутствия собственного выраженного именительным падежом подлежащего.

При обоих прилагательных наблюдается одна и та же тенденция: если они выступают в форме краткого прилагательного / предикатива, то доля контекстов с именными

¹⁸ Получено делением числа конструкций данного типа при именном актанте на количество конструкций при сентенциальном актанте.

актантами в этих конструкциях крайне низка. Напротив, для контекстов, где выступает полное прилагательное, доля конструкций с ИГ возрастает.

Отметим в этой связи, что статистическое различие наблюдается даже для пары *приятно* (предикатив) / *приятно* (прилагательное), для которой С.С. Сай [Сай 2011] предлагает постулировать единую словарную статью и считать предикатив просто употреблением прилагательного. Поскольку частеречный статус предикатива сомнителен, различие следует приписать именно различию между СА и ИГ.

Альтернативным анализом мог бы быть такой, при котором конструкция с предикативом типа *Мне приятно тут находиться* считалась бы безличной в строгом смысле слова (не имеющей никакого подлежащего). Если это и так, то не для всех предикативов. Сама возможность конструкций с глаголами *считаться* и *казаться* показывает, что в исходной конструкции присутствует подлежащее – эти глаголы практически неспособны подчинять безличные конструкции¹⁹. Возьмем, например, конструкцию *В комнате было тепло*, где нет ни сентенциального, ни именного подлежащего. Замена здесь глагола *быть* на *казаться* или *считаться* в большинстве случаев делает предложения типа (90) по меньшей мере полуграмматичными:

(106) ²*В комнате казалось / считалось тепло*²⁰.

Если вариант с *казаться* многие носители считают грамматичным, то вариант с *считаться* кажется всем опрошенным сомнительным или вообще неграмматичным.

Важно также, что статистические данные таблицы 2 напрямую не связаны с запретом на атрибутивное употребление сентенциальных актантов с полными прилагательными (*опасное то, что он приехал*). Сочетания типа **интересное то, что он приехал*, **важное обсудить этот вопрос* абсолютно невозможны, однако напомним, что варианты вроде *ходить туда считалось опасным* – правильные русские предложения. Они лишь составляют меньшую долю в Корпусе, чем *эта дорога считалась опасной*.

Тем самым ситуация с актантом предикатива противоречива. С одной стороны, сама возможность употребления с глаголами *казаться*, *считаться*, *представляться* показывает, что предикативы с СА (в отличие от конструкций с локативной группой типа *в комнате было холодно*) в большинстве своем имеют сентенциальное подлежащее и не являются безличными.

С другой стороны, поведение конструкций с СА с данными глаголами отличается, хотя бы статистически, от поведения стандартных конструкций с прилагательными в предикативной позиции.

Иначе говоря, речь в данном случае не идет о неканоническом маркировании субъекта в терминах [Dixon et al. (eds.) 2001]. Неканонически маркированные подлежащие – будь то дативные ИГ типа *мне стыдно* в русском или исландские аккумулятивные субъекты конструкций типа ‘лодка перевернулась’ [Andrews 2001] – морфологически маркированы падежом, который обычно оформляет дополнения. Однако синтаксические свойства этих актантов и конструкции в целом (например, контроль рефлексива или зависимых

¹⁹ Впрочем, данное свойство глаголов (*по*)*казаться* и *считаться* требует дополнительного исследования. В частности, добавление дативной ИГ зачастую улучшает восприятие конструкции носителями (*В клубе мне казалось скучно* кажется лучше, чем *В клубе казалось скучно*). При этом в конструкциях с именными актантами нормальны и предложения с дативными группами, и без них: *Положение казалось (нам) ужасным*.

²⁰ Иначе ведет себя глагол *оказаться*: в подавляющем большинстве случаев он употребляется с личными предикатами (*Вася – дурак – Вася оказался дураком*, *Мы в ловушке – Мы оказались в ловушке*), однако и некоторые безличные также возможны (*В комнате тепло – В комнате оказалось тепло*), в то время как другие сомнительны (*Васе плохо / страшно – ?*Васе оказалось страшно*). Отметим, что при сентенциальном актанте последние предложения становятся приемлемыми (*Оказалось страшно идти по темной дороге*), что все же подтверждает подлежащий статус СА.

форм глагола) показывают, что некоторые синтаксические подлежащие свойства у данных типов актантов есть.

Напротив, сентенциальные актанты не имеют морфологических признаков «другого актанта» – более того, кажется, что примеры типа *Я знаю Васю* и *Я знаю, что Вася – лингвист* полностью параллельны. Однако синтаксические свойства СА показывают, что они не являются каноническими актантами – во всяком случае, не проявляют стандартного набора свойств подлежащего или прямого дополнения.

4.2. Сравнительная степень

Еще одно различие между предикативами (или, по другой трактовке, прилагательными в конструкции с сентенциальным актантом) и «обычными» прилагательными заключается в образовании сравнительной степени. В главном предложении сравнительную степень могут иметь и предикативы, и прилагательные:

- (107) *Не может остановиться. Отдавать ему интереснее, чем брать* [Д. Гранин. Зубр (1987)] (предикатив);
(108) *«Простая» семья оказалась больше, крупнее, интереснее, чем можно было себе представить* [Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008] (прилагательное).

Однако при подчинении глаголу *считать* синтетическую сравнительную степень имеют только прилагательные [ср. возможность конструкции (111) и невозможность (109) и (110)]:

- (109) **Он считал интереснее отдавать, чем брать.* / **Он считал отдавать интереснее, чем брать;*
(110) **Он считал важнее, что начальник приехал, чем что-либо другое;*
(111) *Человека в очках (если это не двойные линзы с пластырем крест-накрест) обычно считают умнее, чем без очков* [А. Ставров. Тематические Страницы: Комплекс полноценности (2002) // «Автопилот», 2002.09.15].

Предикативы же стандартно образуют конструкцию с показателем *более*:

- (112) *Он считал более надежным отвлечь лучшие силы в архивную работу и в библиографию* [Г. Флоровский. Пути русского богословия (1936) // Библиотека «Вехи», 2003].

В данном примере замена на синтетическую форму *надежнее* дает неграмматичное предложение:

- (112') **Он считал надежнее отвлечь лучшие силы в архивную работу и в библиографию.*

При этом вне конструкции, подчиненной глаголу *считать*, предикатив *надежно*, конечно, имеет сравнительную степень, ср. возможное:

- (113) *Надежнее (будет) отвлечь лучшие силы в архивную работу.*

Впрочем, поиск в Интернете выявляет ряд исключений – очень немногочисленных. Как правило, при этом выражается только один партиципant сравнительной конструкции (данный тип сравнительной конструкции описан в [Князев 2007]): стандарт сравнения выражен в предтексте и в сравнительной конструкции опускается:

- (114) *Михаил Горбачев знал о готовящемся путче, но считал важнее предотвратить кровопролитие* [www.novoteka.ru/event/24512574].

Тем самым в конструкции с глаголом *считать* прилагательные / предикативы, определяющие сентенциальные актанты, отличает от прилагательных с именным зависимым устройством категории степени – для первых синтетическая сравнительная степень нехарактерна²¹, а у вторых встречается часто.

5. ДРУГИЕ ТИПЫ ДОПОЛНЕНИЙ

Стопроцентно надежных тестов на не прямое дополнение, противопоставляющих его косвенному дополнению и/или сирконстанту, для русского языка, по-видимому, не существует. Именно поэтому в данном разделе мы рассматриваем вместе все дополнения, не являющиеся прямыми. По меньшей мере одним свойством некоторые сентенциальные «непрямые дополнения» отличаются от именных.

А именно для именных не прямых дополнений всегда возможны последовательности из вопроса и ответа, где в обеих частях присутствует не прямой объект:

(115) – *Кем учитель был больше всех доволен? – Петей.*

Для сентенциальных актантов с *то*, что возможны такие же последовательности:

(116) – *Чему ты так рад? – Тому, что наконец-то отсюда уеду;*

(117) – *Чем ты так расстроен? – Тем, что не получилось ни с кем встретиться.*

Однако сентенциальные актанты с *что* зачастую выглядят сомнительно в похожих контекстах:

(118) – *Чему ты так рад? – Что снег выпал;*

(119) – *Чем ты так расстроен? – Что не получилось ни с кем встретиться.*

Впрочем, предложения такого рода встречаются в поисковых системах Яндекс и Google. Разница в приемлемости между (116)–(117) и (118)–(119), вероятно, связана с отсутствием в составе СА с *что* единицы, изменяющейся по падежам. Отметим, однако, что для некоторых предикатов с косвенными объектами вопросно-ответные пары такого рода абсолютно нормальны:

(120) – *Чего ты так боишься? – Что меня выгонят из института.*

6. УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ГЛАГОЛОВ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРЕДИКАТИВОВ

Последним критерием различения сентенциальных и именных актантов, который мы рассмотрим, будет образование существительных от прилагательных / предикативов и от глаголов. В целом отглагольные существительные гораздо легче употребляются с именными актантами, чем с сентенциальными (даже в тех случаях, когда производящее слово такой разницы не показывает). Некоторым исключением, как и во многих других случаях, являются сентенциальные актанты с показателем *то, что*, которые сохраняются существительными легче прочих.

Приведем некоторые примеры:

²¹ Другая группа исключений, любезно подсказанная мне М.А. Холодиловой, – это примеры, где стандарт сравнения выражен родительным падежом, а не конструкцией с *чем*: *В тот момент, когда борьба еще не была закончена и исход ее еще полностью не определился, Бонапарт считал важнее всего сократить число противников.* Наконец, большая группа примеров включает фразему *считать ниже своего достоинства*: *Он считал ниже своего достоинства связываться с этим коротышкой* [А.И. Пантелеев. Ленка Пантелеев (1938–1952)].

- (121) *важные новости* – *эти новости важны* – *важно обсудить эти новости* – *важно (то), что эти новости пришли вовремя*;
- (122) *важность новостей* – **важность обсудить эти новости* – **важность, что эти новости пришли вовремя / ?того, что эти новости пришли вовремя*;
- (123) *выяснились новые факты* – *выяснилось, что Петров невиновен*;
- (124) *выяснение новых фактов* – **выяснение, что Петров невиновен* / **выяснение того, что Петров невиновен*;
- (125) *раскрылись новые факты* – *раскрылось, что слитки изготовили в США*;
- (126) *раскрытие новых фактов* – **раскрытие, что слитки изготовили в США* / **раскрытие того, что слитки изготовили в США*;
- (127) *он открыл новые методы анализа* – *он открыл, что возможны новые методы анализа*;
- (128) *открытие (в 2010 году) новых методов анализа* – *открытие (*в 2010 году), что возможны новые методы анализа*.

При некоторых прилагательных / предикативах, например, *важный* / *важно*, оппозиция именного vs. сентенциального актанта является определяющей для возможности конструкции с соотносительным существительным. Как видно из примеров (121)–(122), слово *важность* может соответствовать только собственно прилагательному, но не предикативу, то есть не может иметь сентенциальный актант. Частичная грамматичность варианта с *то, что* в (122) показывает, что этот тип зависимых является переходным между сентенциальными актантами и именными группами.

Примеры (123)–(124) и (125)–(126) аналогичны предыдущим, только представленные здесь имена образованы уже от глаголов. Эти существительные также не могут иметь сентенциальных актантов.

Данные оппозиции показывают, что актантный статус сентенциальных актантов [статус прямого дополнения в (123)–(126) и определяемого имени / подлежащего в конструкциях с прилагательными и предикативами типа (121)–(122)] сомнителен. Сентенциальные актанты в ряде случаев блокируют номинализацию, возможную при именных актантах.

Для ряда имен (например, *открыть*) существует еще одна оппозиция [см. примеры (127)–(128)]. Только при именном актанте имя может получать обстоятельство времени. Этот факт, очевидно, не случаен. ИГ *открытие, что возможны новые методы анализа* способно обозначать как событие ('ситуацию, в которой было открыто, что ...'), так и результат ('знание, что существуют новые методы'). Однако при наличии обстоятельства времени второе прочтение невозможно. Вероятно, надо считать, что для имен с сентенциальным актантом нерезультативные прочтения нехарактерны, однако эта идея требует дальнейшей проверки (подробнее об аспектуальных свойствах отлагательных имен см. [Пазельская 2005]).

7. ЗАМЕЧАНИЕ О ЧТО И ТО, ЧТО

Выше мы показали, что по многим свойствам сентенциальные актанты с показателем *то, что* демонстрируют больше свойств именных актантов, чем актанты без *что*. Безусловно, этот факт тесно связан с внутренним устройством двух показателей (*то, что* содержит компонент *то*, изменяющийся по падежам, как и прочие именные группы). Однако нужно сделать и замечание о семантике показателей, тем более что эта проблема не раз поднималась исследователями.

Анна А. Зализняк и И. Микаэлян [Анна Зализняк, Микаэлян 1988] отмечают, что *то, что* используется в случаях, когда речь идет о знании экспериенцером некоторой информации, а *что* маркирует не знание, а мнение. Иначе говоря, *то, что* обозначает факт, который можно воспринимать тем или иным способом, но его существование не подвергается сомнению (например, *Я знаю то, что меня обманули*), а в нефактивных контекстах невозможно (**Я думаю то, что меня обманули*). Сходный анализ, хотя и в других (более формальных) терминах предлагается и в работе [Кобозева 2011].

Стоит отметить и вывод, полученный в новейшей работе М.Ю. Князева [Князев 2009] (правда, в ней исследуются другие типы сентенциальных актантов, а именно, придаточные с *чтобы* и *то, чтобы*). Автор считает, что вариант *то, чтобы* (но не *чтобы*) обязательно использовать в том случае, когда семантика глагола однозначно не указывает на семантическую роль актанта, выраженного придаточным. При этом первостепенную важность приобретает выбор модели управления, который очевиден при употреблении *то, чтобы*, содержащего изменяемую по падежам единицу. Этот вывод, безусловно убедительный, достигнут исключительно на материале структур, где *то, чтобы* занимает позицию дополнения.

Мы не оспариваем выводы данных работ, но хотели бы сосредоточиться на противопоставлениях другого рода, где придаточные с *что* и *то, что* занимают позицию подлежащего переходного глагола. Ср., например:

- (129) Меня удивило, что у него дома нет книг по лингвистике;
(130) Мне было известно, что у него дома нет книг по лингвистике;
(131) *Работу затрудняло, что у него дома нет книг по лингвистике;
(132) Работу затрудняло то, что у него дома нет книг по лингвистике²².

Очевидно, что предложенного И. Микаэлян и Анной А. Зализняк противопоставления фактивных и нефактивных контекстов для анализа этих примеров недостаточно. Во всех случаях сентенциальный актант обозначает именно факт: предложения (129) и (130), так же как и (132), обязательно требуют, чтобы ситуация 'у него дома нет книг по лингвистике' действительно имела место – иначе они становятся бессмысленными. Неочевидно и то, насколько действует для данных случаев параметр, предложенный М.Ю. Князевым. Семантическая роль подлежащего задана однозначно для всех предикатов в примерах (129)–(132), тем самым непонятно, почему именно при глаголе *затруднять* обязательно употребление *то, что*.

Более обоснованно считать, что ключевым признаком, отличающим (131)–(132) от (129) и (130), является семантическая роль подлежащего. В первых двух примерах подлежащее имеет, соответственно, роль Стимула эмоции и Содержания знания (прямое дополнение же имеет роль Экспериенцера). Напротив, в (131)–(132) роль подлежащего – Каузатор или Причина: ментального предиката в этом примере нет.

Хотя по классификации, предложенной Хаспельматом [Haspelmath 2001], русский язык относится к классу **reference-oriented** (способ выражения актанта лишь косвенно зависит от его семантической роли), противопоставление (129), (130) vs. (131), (132) не случайно. Каузатор является более прототипическим подлежащим, чем Стимул эмоции, – в частности, потому, что находится ближе к прототипу Агенса (Каузатор так или иначе меняет положение дел, а в [Dowty 1991] это считается одним из свойств прототипического Агенса). Стимул может не влиять на ситуацию напрямую, поскольку эмоции Экспериенцера в большой мере зависят от него самого, а не только от Стимула.

Этот весьма локальный факт показывает, тем не менее, одну важную вещь. Ранее мы видели, что по многим критериям (возможности номинализации, расположению в предложении и т. д.) сентенциальные актанты с *то, что* отличаются от аналогов с *что* и инфинитивом и похожи на именные группы. Предложения (129)–(132) доказывают, что эти синтаксические факты коррелируют с некоторыми семантическими особенностями сентенциальных зависимых. В тех случаях, когда их семантическая роль различается, более прототипическое подлежащее оформляется именно с помощью союза *то, что*.

²² Весьма важно замечание анонимного рецензента, который указывает, что для глагола *мешать* оформление СА. союзом *что* возможно (*Мне мешало, что Петя врубил громкую музыку*). Мы считаем, что данный глагол имеет два употребления: одно из них значит 'доставлять дискомфорт' – подлежащее является Стимулом, и оформление с помощью *что* возможно. Второе означает 'создавать помехи каким-л. действиям', подлежащее является Каузатором и не может выражаться с помощью *что* (*Рассматривать правление Медведева как успешное мешает то, что / *что он так и не победил коррупцию*).

8. НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

В языках мира сентенциальные дополнения также ведут себя по-разному с точки зрения актантного статуса, причем варьирование наблюдается и между языками, и внутри одного языка. Приведем здесь только два примера.

В частности, в азербайджанском языке сентенциальное дополнение с союзом *ki* 'что' при каузативизации проявляет свойства прямого дополнения. Исходное подлежащее получает дативное маркирование:

Азербайджанский (тюркский), данные полевой работы:

- (133) O biza / *bizi bil-dir-ir ki sabah qedačə-k
 он.NOM мы.DAT мы.ACC знать-CAUS-PRS что завтра уезжать-FUT
 'Он дает нам знать, что завтра уезжает';
- (134) O menə / *məni eşit-ir-ir ki yaxşı apar
 он.NOM я.DAT я.ACC слышать-CAUS-PRS что хорошо вести.IMV
 'Он мне говорит (заставляет слышать), мол, води себя хорошо'.

Азербайджанский язык, как и все тюркские, в большинстве случаев соблюдает при маркировании актантов каузативной конструкции правило, сформулированное в [Comrie 1976: 223]: при образовании каузатива подлежащее исходного глагола занимает наивысшую свободную позицию в иерархии DO (прямое дополнение) > IO (непрямое дополнение) > Obl (косвенное дополнение). Следовательно, в (133) и (134) позиция прямого дополнения считается занятой, и занимать ее может только сентенциальный актант, который, вероятно, в этом смысле рассматривается языком как прямое дополнение. Во всяком случае, тот факт, что глагол управляет сентенциальным актантом, не считается достаточно веским основанием для того, чтобы кодировать каузируемого аккузативом, как при непереходном глаголе.

Ситуация в адыгейском языке абхазо-адыгской группы более сложная. В адыгейском, где наблюдается полиперсонное согласование, в нем участвуют и сентенциальные актанты (см. детальное описание адыгейских конструкций с СА в [Сердобольская, Мотлохов 2009]). Иначе говоря, глаголы типа *ʔʷen* 'сказать', дополнением при которых является сентенциальный актант, ведут себя как переходные. В (135) префикс *ə-* обозначает агенс (Хаткоко), а сентенциальный актант кодируется нулевым префиксом абсолютива.

Адыгейский (абхазо-адыгский):

- (135) ʔə hazərə-n faje Ø-ə-ʔʷ-ак hatqʷeqʷe-m.
 мужчина готовится-POТ надо 3SG.ABS-3SG.A-сказать-PST Хаткоко-ERG
 'Мужчине надо подготовиться, – сказал Хаткоко'.

Однако другая группа глаголов – например, *wəpčən* 'спросить' – имеет сентенциальные актанты, которые не учитываются при согласовании глагола:

- (136) baže-r Ø-je-wəpčə-в səd-a p-ʔʷe-re-r
 лиса-ABS 3SG.ABS-DAT-спросить-PST что-FOC 3SG.A-говорить-DYN-ABS
 'Лиса (его) спросила: «Что ты говоришь?»'.

(См. анализ различных типов сентенциальных актантов и их распределения в [Сердобольская, Мотлохов 2009].)

В примере (136) глагол 'спросить' выступает как непереходный с подлежащим и непрямым дополнением²³, а сентенциальный актант вообще не отражается в согласовании. Тем самым в адыгейском участники ситуации, которые в других языках выражаются сентенциальными актантами, не всегда являются синтаксическими актантами.

²³ Это ясно из того, что слово *baže* 'лиса' маркировано абсолютивом. Агенс переходных глаголов должен получать показатель косвенного падежа (в традиционной терминологии – эргатива) *-m*, как в слове *hatqʷeqʷe-m* 'Хаткоко' в примере (120).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в статье были сопоставлены свойства именных и сентенциальных актантов. Мы ставили два основных вопроса: во-первых, можно ли говорить, что сентенциальные актанты являются актантами в полном смысле слова, во-вторых, и в главных, если да, то проявляют ли они те же свойства, что и конкретные типы именных членов предложения актантов (подлежащее, дополнение, актант предикатива).

На первый вопрос можно ответить утвердительно. Во всяком случае, по нашим данным, никакие актантные свойства не отличают сентенциальные актанты от именных. Например, критерий шлюзования ведет себя с сентенциальными зависимыми по-разному и делит их на актанты и сирконстанты. Различие проходит не по формальному типу актанта, а по типу глагола.

Второй вопрос, как оказывается, сложнее, и однозначно определить синтаксическую позицию сентенциального актанта, сопоставив СА с именными подлежащими и дополнениями, затруднительно. Оказывается, что многие свойства, которые считаются характерными для подлежащих, на самом деле есть только или преимущественно у именных подлежащих, и то же верно для именных прямых дополнений и актантов в конструкциях с прилагательными и связкой. Например, переход в актант номинализации в родительном падеже характерен, прежде всего, для именных подлежащих и актантов предикативов.

Часть различий может быть связана с отсутствием у сентенциальных актантов с показателем *что* падежного словоизменения. Например, именно поэтому, вероятно, не прямое дополнение такого типа с трудом может быть ответом на вопрос со словом *что*.

При этом актанты с *то, что*, в свою очередь (хотя и слабо) отличаются по свойствам от именных групп. Например, при некоторых отглагольных именах типа *раскрытие* (126) ни актанты с *что*, ни актанты с *то, что* не возможны.

Однако существенно, что не все различия между ИГ и сентенциальными актантами сводятся к противопоставлению аргументов, выражающих падеж и не выражающих его. В частности, поведение сентенциальных актантов при номинализации не сводится к особенностям категории падежа. Как было показано в части 6, некоторые номинализации (*необходимость, понимание*) способны присоединять СА с союзом *что*, а некоторые (*важность, выяснение*) к этому не способны. Поскольку в данном случае не наблюдается полного запрета на номинализацию, вряд ли причина в отсутствии категории падежа. Скорее, речь идет о том, что актанты с *что* в меньшей мере демонстрируют актантные свойства, чем актанты с *то, что* и тем более именные группы.

Аналогичный случай представляет собой пассивизация. Ни один из типов сентенциальных актантов ее не запрещает, однако все тяготеют к статальному пассиву или пассиву с невыраженным агенсом. Естественно предположить, что в основе этого различия между СА и ИГ лежит не отсутствие падежа у некоторых типов СА, а их отличия от прототипа подлежащего.

Наконец, пожалуй, наиболее показательна ситуация с актантами предикативов в конструкциях с полувспомогательными глаголами (см. части 2.2 и 3.1). И СА с *что*, и СА с инфинитивными формами и (хотя в меньшей мере) СА с *то, что* ведут себя в данном случае не так, как ИГ. Учитывая то, что в сфере предикативов надежных тестов на подлежащность не существует, неудивительно, что различия в поведении СА и ИГ заставляют многих исследователей считать предикативы отдельной частью речи.

Ответ на вопрос, поставленный в начале – «являются ли сентенциальные актанты подлежащими, дополнениями, в том же смысле, в котором ими являются именные группы», – положительным быть не может. Однако, как мы говорили выше, сентенциальные актанты не являются и неканоническими подлежащими, дополнениями и т. д., в том же смысле, как, например, группа *меня* в предложении *меня тошнит*. Скорее, следует

говорить о том, что СА – это заменители актантов, которые не демонстрируют в полной мере характерных для актантов синтаксических отношений (S, DO, IO).

И в этом смысле сентенциальные актанты не уникальны. Точно так же аналогами «настоящих» актантов в языках мира бывают, например, местоимения, часто демонстрирующие синтаксические отличия от актантов-ИГ (например, способность выступать в винительном падеже при глаголах, обычно не управляющих прямыми дополнениями) – в частности, К. Чвани [Chvany 1996] обсуждает класс глаголов типа *мочь* (slightly transitive verbs), при которых дополнениями могут быть только сентенциальные актанты и местоимения (*Он может приехать, Он это может*), но не именными группами (**Он может уроки, *Он может приезд*). Аналогичными свойствами, видимо, обладают дополнения с обозначениями меры типа *капля, немножко*, которые выступают в роли прямого дополнения при глаголах *капнуть, подлить* и т. д. (ср. *подлей мне немного вина*), при том что прямые объекты-ИГ для тех же глаголов нехарактерны (ср. **подлей мне вино*, в отличие от *подлей мне вина* с дополнением в родительном падеже).

Подводя итоги, нужно сказать, что теоретически может существовать два варианта – либо приписать всем сентенциальным актантам один и тот же промежуточный статус, либо считать, что актант предикатива, подлежащее и прямое дополнение, выраженные пропозицией, все же имеют различный синтаксический статус. И очевидно, что выбрать нужно второй вариант. Так, сентенциальное прямое дополнение способно к пассивизации (хотя иначе, чем именное), а сентенциальное подлежащее способно становиться компонентом конструкций с дативным участником. Сентенциальные актанты представляют собой своего рода «серую зону», внутри которой выделяются подлежащие, прямые дополнения и др., но все они отличаются от канонических представителей тех же классов. Дополнения типа *вина* (*Подлей мне (каплю) вина*) и местоимений при глаголе *мочь* также являются представителями этой зоны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1969 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1969.
Белошапкова 1977 – В.А. Белошапкова. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
Бонч-Осмоловская 2003 – А.А. Бонч-Осмоловская. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
Буланин 1976 – Л.Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
Валгина 2000 – Н.С. Валгина. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
Гвоздев 1973 – А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1973.
Анна Зализняк, Микаэлян 1988 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. Об одном способе разрешения неоднозначности в глаголах пропозициональной установки // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1988.
Князев 2007 – Ю.П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
Князев 2009 – М.Ю. Князев. Предикатные актанты с местоимением *то* в русском языке: грамматические особенности и особенности употребления. Дипломная работа. СПб., 2009.
Кобозева 2011 – И.М. Кобозева. Условия употребления *то* перед придаточным изъяснительным. Материалы докл. на конф. «Диалог-2011». М., 2011.
Козинский 1983 – И.Ш. Козинский. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
КПА 1983 В.С. Храковский (ред.). Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
Кузнецова 2011 – Ю.Л. Кузнецова. Русская конструкция с предлогом *по* и проблема неаккузативности // Е.В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М., 2011.
Лютикова 2002 – Е.А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.

- Недялков 1979 – В.П. Недялков. Заметки по типологии двупредикатных конструкций. Опыт исчисления // Значение и смысл речевых образований (межвузовский тематический сборник). Калинин, 1979.
- Недялков 1981 – В.П. Недялков. О типологии конструкций с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Материалы Всесоюзной конф. «Типологические методы в синтаксисе разнотипных языков». Л., 1981.
- Онипенко, Никитина 2012 – Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина. Одушевленность в русском языке. Рукопись, 2012.
- Падучева 2001 – Е.В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в науч. освещении. 2001. № 1.
- Пазельская 2005 – А.Г. Пазельская. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Плунгян, Рахилина 1998 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика 36. М., 1998.
- Сай 2011 – С.С. Сай. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции? // Материалы и тезисы докладов Международной конф., посвящ. 50-летию Санкт-петербургской типологической школы. СПб., 2011.
- Сердобольская 2005 – Н.В. Сердобольская. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Сердобольская (в печати) – Н.А. Сердобольская. Оформление именных и сентенциальных актантов в адыгейском языке: семантический сдвиг в значении падежных показателей (в печати).
- Сердобольская, Мотлохов 2009 – Н.В. Сердобольская, А.В. Мотлохов. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Я.Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.
- Слюсарь 2008 – Н.А. Слюсарь. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М., 2008.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- ТКПА 1985 — В.С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Убрятова, Литвин (ред.) 1986 – Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин (ред.). Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках различных систем. Новосибирск, 1986.
- Циммерлинг 2003 – А.В. Циммерлинг. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.
- Черемисина 1980 – М.И. Черемисина. О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // М.И. Черемисина (ред.). Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков). Новосибирск, 1980.
- Русская грамматика 1980 – Н.Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М., 1980.
- Янко-Триницкая 1962 – Н.А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Babyonyshev 1996 – M.A. Babyonyshev. Structural connections in syntax and processing: studies in Russian and Japanese. Ph.D. dissertation, MIT. Cambridge (MA), 1996.
- Dixon et al. 2001 – R.M.V. Dixon, A. Aikhenvald, M. Onishi. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Andrews 2001 – A.D. Andrews. Non-canonical A/S marking in Icelandic // A. Aikhenvald, R.M.V. Dixon, M. Onishi. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Chvany 1996 – C.V. Chvany. A continuum of lexical transitivity: slightly-transitive verbs? // C.V. Chvany. Selected essays. Columbus, 1996.
- Comrie 1976 – B. Comrie. The syntax of causative constructions: cross language similarities and divergences // M. Shibatani (ed.). Syntax and semantics. V. 6. The grammar of causative constructions. New York, 1976.
- Dowty 1991 – D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. V. 67. № 3.
- Gerritsen 1990 – N. Gerritsen. Russian reflexive verbs: in search of unity in diversity. Amsterdam; Atlanta, 1990.
- Givón 1980 – T. Givón. The binding hierarchy and the typology of complements // Studies in language. 1980. V. 4. № 3.
- Glushan 2009 – Zh. Glushan. On the role of experiencer in the interaction of aspect and unaccusativity in Russian // FDSL 8. Potsdam, 2009.
- Guiraud-Weber 1984 – M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.

- Haspelmath 2001 – *M. Haspelmath*. Non-canonical marking of core arguments in european languages // A. Aikhenvald, R.M.V. Dixon, M. Onishi (eds.). Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Hawkins 1990 – *J.A. Hawkins*. A parsing theory of word order universals // LIn. 1990. 21 (199).
- Li, Thompson 1976 – *Ch.N. Li, Ch. Thompson*. Subject and topic: a new typology of language // Ch.N. Li (ed.). Subject and topic. London; New York, 1976.
- Munro 1982 – *P. Munro*. On the transitivity of 'say' verbs // P. Hopper, S. Thompson (eds.). Syntax and semantics. V. 15. New York, 1982.
- Noonan 1985 – *M. Noonan*. Complementation // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. III. Complex constructions. Cambridge, 1985.
- Pesetsky 1992 – *D. Pesetsky*. Zero Syntax. V. 2 // <http://mit.edu/linguistics/www/bibliography/pesetsky.html>
- Ransom 1986 – *E.N. Ransom*. Complementation: Its meanings and forms. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Ross 1967 – *J.R. Ross*. Constraints on variables in syntax. PhD diss. Massachusetts, 1967.
- Stowell 1982 – *T. Stowell*. The tense of infinitives // LIn. 1982. 13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЗУЕМЫХ В АДЫГЕЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПРИМЕРАХ

3 – третье лицо	ERG – эргатив (падеж)
ABS – абсолютив (падеж), показатель абсолютивного актанта в глаголе	FOC – показатель фокуса
ACC – винительный падеж	FUT – будущее время
CAUS – каузатив	IMV – императив
DAT – показатель непрямого дополнения в глаголе (адыгейский), дательный падеж (азербайджанский)	POT – потенциальная форма
DYN – показатель динамического глагола	PRS – настоящее время
	PST – прошедшее время
	SG – единственное число

Сведения об авторе:

Александр Борисович Летучий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

alexander.letuchiy@gmail.com